

0

ДНѢ И ПРАЗДНИКѢ НОВАГО ГОДА У АОНЦЯНЪ

ПРЕДЪ ПЕЛОПОННИССКОЮ ВОЙНОЮ,

СЪ ОБЪЯСНЕНИЕМЪ ОДНОЙ ОРОПСКОЙ НАДПИСИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

МИХАИЛА КУТОРГИ,

ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ, ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА И ПРОФЕССОРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ VIII-У ТОМУ ЗАПИСКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Еггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Киммель, въ Ригѣ.

Эспанджанца и Комп., въ Тифлисѣ.

Цена 25 коп. сер.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 9 ноября 1865 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ

БУМАНИ

Г. СЕКРЕТАРЮ РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА

ВЪ

КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ВЪ ПАМЯТЬ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ АФОНАХЪ

ДРУЖЕСКОЕ ПОСВЯЩЕНІЕ

АВТОРА.

Глава I.

Въ числѣ древнихъ памятниковъ, изданныхъ г. Фишеромъ въ «Эпиграфическихъ и Археологическихъ дополненіяхъ изъ Греціи»¹⁾, помѣщены пять надписей, найденныхъ имъ въ Оропѣ и между ними, подъ № 71, отрывокъ опредѣленія аѳинскаго вѣча, которому онъ, по справедливости, придаетъ большее, чѣмъ другимъ, значеніе. Находясь въ Маѣ 1860 года въ ὁ τοῦς ἀγίους Ἀποστόλους, какъ называется нынѣ Оропская пристань (Scala), но не зная объ ихъ изданіи, и не имѣя въ рукахъ книги г. Фишера, я снялъ такъ же нѣкоторыя изъ сихъ надписей, разставленныхъ на дворѣ и у лѣстницы дома г. Папаригопула, владѣльца этого обширнаго помѣстья. Я списывалъ ихъ вовсе не съ цѣлю отыскать что либо новое, но только желая лучше изучить и запомнить ихъ, и слѣдовалъ тогда общему своему правилу, отъ котораго не уклонялся при своемъ путешествіи въ Греціи: брать копию съ надписей относившихся къ предмету моихъ историческихъ розысканій, не заботясь были ли онѣ уже извѣстны, или нѣтъ. Возвратясь въ С. Петербургъ, я замѣтилъ, что мой списокъ означеннаго отрывка отступаетъ нѣсколько отъ списка г. Фишера.

---

¹⁾ Epigraphische und archäologische Beiträge aus Griechenland von W. Vischer (Basel. 1855. in 4°), pag. 62 sqq.

Правда различіе состоитъ только въ чтеніи двухъ, даже главнѣйше одной буквы, вѣрнѣе говоря только черты буквы; но здѣсь буква удерживаетъ полный вѣсъ свой и обладаетъ такою силою, что измѣняетъ весь смыслъ надписи и придаетъ ей значеніе важнаго историческаго памятника. Такъ какъ однако я намѣревался посѣтить еще разъ Грецію, то оставилъ этотъ вопросъ не рѣшеннымъ, надѣясь вновь осмотрѣть мраморъ и, для большей вѣрности, снять съ него бумажный слѣпокъ. Мои ожиданія были тщетны. Не смотря на всѣ старанія во время моего втораго пребыванія въ Греціи въ 1861 году; не смотря на весьма большую оказанную помощь, камень не найденъ, ни въ Оропской пристани, ни въ ея ближайшихъ окрестностяхъ; и кажется даже нѣтъ надежды когда либо отыскать его ¹⁾. Подлинникъ этой надписи къ сожалѣнію потерянь, и списокъ г. Фишера не только служитъ доказательствомъ ея существованія, но и замѣняетъ мѣсто подлинника. Прежде всего постараюсь описать камень въ томъ видѣ, какъ я нашелъ его. Изъ всей надписи уцѣлѣло, хотя такъ же не вполне, только начало, обыкновенное введеніе съ означеніемъ архонта епонима, мѣсяца и числа пританіи, т. е. времени изданія граммати; остальная часть камня, заключавшая въ себѣ опредѣленіе вѣча, отбита. Но и сохранившійся осколокъ-находился въ весьма худомъ состояніи: въ немъ повреждены всѣ, безъ исключенія, стороны; буквы истерты и съ трудомъ читаются; изъ 14-ти строкъ, усматриваемыхъ на камнѣ, можно было, хотя такъ же не всегда достовѣрно, прочесть только шесть верхнихъ; въ прочихъ же строкахъ сохранились отдѣльныя и отрывочныя буквы, которыя могли быть приведены въ связь единственно посредствомъ догадки. Но и въ шести верхнихъ строкахъ нѣкоторыя буквы такъ вывѣтривались, что нельзя опредѣлить ихъ вида съ точностію; напримѣръ весьма сомнительно, слѣдуетъ ли читать Н, или, что вѣроятнѣе, Е, ибо на камнѣ иногда написано Т, иногда же только

¹⁾ Несошествуетъ такъ же болѣе и небольшая надпись, изданная г. Фишеромъ на стр. 67, подъ № 72; мнѣ говорили, что камень употребленъ на обдѣлку колодца.

черта †; при томъ вся лѣвая половина четвертой строки совершенно исчезла и заключала въ себѣ, не буквы, а едва замѣтныя черты. Не смотря однако на такое состояніе камня, этотъ отрывокъ привлекаетъ любопытство историка, ибо въ немъ весьма ясно упомянуты: часть имени архонта, десятая пританская фила, болѣе 30 дней пританіи, послѣдній день мѣсяца и окончаніе названія самого мѣсяца.

Списокъ г. Фишера есть слѣдующій ¹⁾.

Ἐπὶ Φιλολοκλέους ἄρχοντος, ἐπὶ
τῆς Ἐρεχθίδος δεκάτης (πρυτανείας), ἢ Εὐθύγενης Ἡφαιστοδμή-
μοῦ Κ(ηφ)ι(σ)ιεύς ἐγρ(αμ)μ(α)τε(υεν, Θ-
αργηλιῶνος ἐνῆ καὶ ν(έ)α, (ἐννά-
τη καὶ) τριακοστῆ (τ)ῆς (ς) πρυτανείας, ἐκκ(η)λ(η)σι(α).

Упомянутое выше различіе въ чтеніи относится главнѣйшимъ образомъ къ началу пятой строки, къ слову ΓΗΛΙΩΝΟΣ. Вмѣсто Ω у меня помѣщенъ только знакъ Ω, совершенно сходный съ такимъ же знакомъ 7-ой строки, что соответствуетъ въ одинаковой мѣрѣ какъ Ω такъ и О; вмѣсто же буквы Γ только черта † притомъ нѣсколько, хотя едва замѣтно, наклоненная, позволяющая ее принять за крайнюю черту буквы Μ. Это различіе весьма важно; оно даетъ надписи смыслъ противоположный тому, который видѣлъ въ ней г. Фишеръ. Такъ какъ однако нельзя болѣе повѣрить камня, то я готовъ до времени и не упоминать о своемъ спискѣ, считаю его какъ бы несуществующимъ и обращаюсь къ разбору списка г. Фишера, смотря на него какъ бы на единственный подлинникъ и представляя свои замѣчанія въ видѣ исправленія текста. Этотъ разборъ приводитъ къ тому же самому результату.

Имяя предъ глазами литографированный списокъ г. Фишера,

(¹) Epigraph. Beiträge pag. 63. Срав. Литографированный снимокъ сей надписи, помѣщенный въ концѣ книги г. Фишера.

можно подумать, что этот отрывок надписи не слишком еще испорченъ, и что онъ довольно легко разбирается. Но внимательное чтеніе убѣждаетъ въ обратномъ; и самъ издатель подтверждаетъ справедливость нашего замѣчанія, ибо онъ принужденъ былъ исправлять свой собственный литографированный списокъ, и измѣнять въ текстѣ буквы снимка. Такъ шестая строка его литографированнаго списка оканчивается буквою Ω, въ текстѣ же она измѣнена авторомъ въ букву ипсилонъ; это служитъ доказательствомъ, что омеги на камнѣ не было. Въ послѣднемъ словѣ 9 строки Η ΝΜΟΡ, принятомъ издателемъ за собственное имя 'Ηνίμων, очень ясно сохранился О на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало бы ожидать ω. На ту же букву О указываетъ знакъ Ω, въ среднѣ 7-ой строки, въ словѣ ΤΩΝ (τῶν). Эти примѣры побуждаютъ думать, что буква ω не была вообще употреблена въ сей надписи, и что въ началѣ пятой строки слѣдуетъ читать такъ же ΓΗΛΙΩΝΟΣ. Такое чтеніе не было бы единственнымъ въ Ороеѣ, ибо, подобнымъ же образомъ, омикронъ замѣняетъ омегу, въ остаткѣ собственнаго имени . . . ΟΝΔΑΝ (. . . ὠνδαν) ГОЛУКРАΤΟΥ, вырѣзанномъ на мраморѣ, который тамъ находился и сообщенъ г. Бурсіаномъ ¹⁾. Я весьма далеко отъ мысли упрекать въ неточности столь достойнаго ученаго какъ г. профессоръ Фишеръ; всѣмъ извѣстны трудности, сопряженныя съ чтеніемъ истертыхъ и отрывочныхъ надписей.

Пятую строку издатель начинаетъ буквами γηλιῶνος и, видя въ нихъ, что совершенно справедливо, окончаніе названія мѣсяца, дополняетъ ихъ буквами ζαρ и читаетъ ζαργηλιῶνος. Но въ надписи говорится о послѣднемъ днѣ сего мѣсяца (ἐνῆ καὶ νέα), и упоминается сверхъ того, что этотъ день былъ тридцатымъ и больше (. . . καὶ τριακοστῆ) днемъ десятой (δεκάτης), т. е. послѣдней пританія. Слѣдовательно чтеніе ζαργηλιῶνος невозможно; ибо извѣстно что, ни въ простомъ, ни въ високосномъ годѣ, тридца-

¹⁾ Topographie von Boiotien und Euböia (въ: Berichte der phil. histor. Classe der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1860), pag. 112.

тѣмъ и болѣе день десятой пританіи, никогда не могъ совпадать съ послѣднимъ днемъ мѣсяца Фаргиліона; онъ могъ соответствовать только концу Скирофоріона. Видя это затрудненіе, г. Фишеръ прибѣгаетъ къ *отчаянному*, какъ онъ выражается, *средству* ¹⁾, и полагаетъ что, или рѣзчикъ камня ошибся, написавъ случайно *Σαργῆλιῶνος*, вмѣсто *σκιροφοριῶνος*, или что мѣсяць Скирофоріонъ былъ прибавленъ къ десятой пританіи, въ которой такимъ образомъ было бы 60 и болѣе дней. Послѣднее средство однако авторъ устраняетъ самъ и останавливается на ошибкѣ рѣзчика. Но такая ошибка невообразима; скорѣе можно принять, что издатель, подъ влияніемъ убѣжденія, будто надпись относится къ концу 4-го столѣтія до Р. Х., когда аѣнскій годъ начинался мѣсяцемъ Екатомвэономъ, невольно помѣстилъ букву Γ тамъ, гдѣ ея вовсе не было. Итакъ разборъ списка, составленнаго г. Фишеромъ, подтверждаетъ вѣрность нашего чтенія.

Окончаніе *ηλιῶνος* принадлежитъ названіямъ только двухъ аѣнскихъ мѣсяцевъ: *Σαργῆλιῶνος* и *γαμῆλιῶνος*; а такъ какъ, въ разбираемой надписи, чтеніе *Σαργῆλιῶνος*, по явному противорѣчію своему съ порядкомъ аѣнскихъ мѣсяцевъ, принято быть не можетъ, то и становится очевиднымъ, что буква Γ поставлена здѣсь ошибкою. Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто ея находилась на камнѣ только черта λ, служившая окончаніемъ буквы Μ, ибо ничего болѣе не остается какъ читать *γαμῆλιῶνος*. Это чтеніе столь ясно и естественно, что, для его принятія, нѣтъ даже необходимости видѣть подлиннаго камня.

Буквы ΛΟΚ, единственныя сохранившіяся въ первой строкѣ, указываютъ на архонта епонима Филокла, *Φιλοκλῆς*, какъ весьма справедливо замѣтилъ и дополнилъ г. Фишеръ.

Во второй строкѣ осталось окончаніе названія пританской фиилы. Г. Фишеръ колеблется между словами: *Ἐρεχθίδος* и *Πανδριῶδος*; мы не будемъ останавливаться ни на этомъ вопросѣ, ни на узнаніи имени отца Еввнгена (въ 3-й строкѣ), такъ какъ они

¹⁾ Стр. 65: Dieser verzweifelte Ausweg.

оба не имѣютъ значенія для исторіи и нисколько не измѣняютъ смысла надписи. Не будемъ такъ же розыскивать, какииъ меньшимъ числомъ, для опредѣленія точнаго числа дней десятой пританіи, слѣдуетъ дополнить слово . . . καὶ τριακοστῆ. При совершенной невозможности найти оное, трудъ былъ бы излишнимъ. Это добавочное число не имѣетъ притомъ особенной важности.

Всѣ прочія, и притомъ весьма важныя выраженія, именно: δεκάτης (во 2-й строкѣ), ἐνῆ καὶ νέα (въ 5-й строкѣ), . . . καὶ τριακοστῆ (въ 6-й); словомъ числа, вырѣзанныя нѣкогда на камнѣ, вполне уцѣлѣли и остаются несомнѣнными.

Итакъ мы читаемъ эту надпись слѣдующимъ образомъ, оставляя только не рѣшеннымъ вопросъ: была ли, какъ мы думаемъ, въ подлинникѣ, употреблена буква Ε, или ее замѣнила уже буква Η.

ε π ι φ ι Λ Ο Κ λ ε ο υ ς α ρ χ ο ν τ ο ς ε π ι
 . . . . . Ι Δ Ο Σ Δ Ε Κ Α Τ Ε Σ π ρ ο τ
 α ν ε ι α ς . Ε Υ Θ Υ Γ Ε Ν Ε Σ . . . . .
 . . . . . Γ Ρ α μ Μ Α Τ Ε
 γ α Μ Ε Λ Ι Ο Ν Ο Σ Ε Ν Ε Ι Κ Α Ι Ν ε Α Ι . . .
 . . . καὶ τ ρ ι α κ ο σ τ ῆ τ ε ς Π Ρ . . .

Ἐπὶ Φιλοκλέους ἄρχοντος, ἐπὶ

ἴδος δεκάτης προτα-

νείας, ἢ Εὐθυγένης

ἐγραμματέων

Γαμηλιῶνος ἐνῆ καὶ νέα . . . .

. . . καὶ τριακοστῆ τῆς προτανείας.

Время составленія сей граммати узнается изъ ея содержанія: не смотря на поврежденія, сама надпись даетъ всѣ средства къ своему хронологическому опредѣленію.

Судя по формѣ вступленія, согласнаго со всѣми употребляемыми въ аѳинскихъ грамматахъ, эта надпись принадлежитъ къ числу Аттическихъ и заключала, въ полномъ своемъ составѣ, постановленіе вѣча аѳинской республики. А такъ какъ камень най-

день въ Оропѣ, то рѣшеніе вѣча касалось безъ сомнѣнія сего города и было нѣкогда въ немъ выставлено. Но подобное рѣшеніе вѣча могло послѣдовать только въ то время, когда Оропъ былъ подчиненнымъ аѣинской республикѣ.

Къ этому первому результату присоединяется слѣдующій:

Упомянутое мѣсяца Гамилона служить доказательствомъ существованія, въ эпоху изданія грамматы, такого устройства календаря въ Аѣинахъ, по которому конецъ десятой пританіи совпадаетъ съ послѣднимъ днемъ Гамилона.

Эти два результата даютъ возможность узнать съ историческою точностію время составленія надписи. Если постановленіе аѣинскаго вѣча принято было при Филоклѣ, то подъ нимъ можетъ подразумѣваться только тотъ изъ архонтовъ, носившихъ сіе имя, въ епонимію котораго, и Оропъ зависѣлъ отъ Аттики, и аѣинскій годъ начинался зимою.

Въ ряду аѣинскихъ архонтовъ встрѣчаются три Филокла, бывшіе епонимами: первый во 2-мъ году 80-й Ол. (458¹) до Р. Х.), второй, Ол. 97,1 (392 — 391 до Р. Х.) и третій Ол. 114,3 (322 — 321 до Р. Х.). Г. Фишеръ принимаетъ здѣсь послѣдняго и прибавляетъ, что Оропъ кажется принадлежалъ еще тогда Аѣинамъ²). Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, находя оное въ противорѣчій съ весьма положительными свидѣтельствами древнихъ писателей.

Архонтскій годъ Филокла продолжался отъ мѣсяца Екатормвона 322 до того же мѣсяца 321 до Р. Х. Десятая пританія сего года находилась слѣдовательно въ срединѣ лѣта 321 до Р. Х. Городъ Оропъ, какъ тотчасъ увидимъ, былъ тогда уже совершенно отдѣленъ отъ аѣинской республики. Онъ не принадлежалъ ей и во всю первую половину сего 321 года до Р. Х. Скажемъ

¹) Смот. мною изданныя *Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la période des guerres médiques*. Paris 1861. in 4° (Extrait du tome VI, 1-re série des Mémoires présentés par divers Savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), pag. 55.

²) Стр. 67: Olym. 114,3 scheint Oropos noch zu Athen gehört zu haben.

богѣ: если бы даже слово *δεκάτης* не сохранилось на камнѣ, а уцѣлѣло бы только окончаніе *ηλιώνος*, позволяющее принять два мѣсяца, то и въ такомъ случаѣ указанный результатъ остается въ полной силѣ. Ни въ Гампλιонѣ, ни въ Фаргмиліонѣ архонтскаго года Филокла, т. е., приблизительно, ни въ Январѣ, ни въ Маѣ 321 года до Р. Х., Оропъ не зависѣлъ отъ Аттики.

Послѣ побѣды при Кранонѣ, Антипатръ повелъ всѣ свои силы противъ Аѳинянъ и, отвергнувъ предложенія о мирѣ, требовалъ отъ нихъ безусловной покорности ¹⁾. Его требованіе было принято и вѣче передало ему верховную власть надъ республикою ²⁾. Ставъ неограниченнымъ правителемъ, Антипатръ измѣнилъ государственныя постановленія Аѳинянъ, учредилъ олигархію, прекратилъ вѣчевыя пренія ³⁾, переселилъ нѣсколько тысячъ гражданъ во Фракію и занялъ Мунихійскую крѣпость своимъ отрядомъ ⁴⁾. Онъ преслѣдовалъ съ ненавистію достойнѣйшихъ гражданъ и былъ убійцею Ипериды и Димосѳена. Эти дѣла слѣдовали быстро одно за другимъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: «въ Метагитионѣ, говоритъ Плутархъ ⁵⁾, дано было сраженіе при Кранонѣ, въ Вождроміонѣ Македонскій отрядъ вступилъ въ Мунихію, Димосѳенъ померъ въ Ппанепсионѣ». Въ томъ же мѣсяцѣ, по словамъ того же писателя, скончался Иперидъ въ городѣ Клеонахъ. Біографъ опредѣляетъ еще точнѣе время смерти обоихъ ораторовъ, называя въ другихъ мѣстахъ, 16-е число Ппанепсіона днемъ кончины Димосѳена, и 9-е днемъ Ипериды ⁶⁾. Паденіе

¹⁾ Діодоръ XVIII, 18, 1—3.

²⁾ Тамъ же: ὁ δὲ δήμος, οὐκ ὦν ἀξιόμαχος, ἠναγκάσθη τὴν ἐπιτροπὴν καὶ τὴν ἐξουσίαν πάσαν Ἀντιπάτρῳ δοῦναι περὶ τῆς πόλεως.

³⁾ Suidas v. Δημόσθης. Κατέλυσε τὰ δικαστήρια καὶ τοὺς βουλευτικοὺς ἀγῶνας.

⁴⁾ Діод. XVIII, 18.

⁵⁾ Плут. Димосѳ. 28, 1: Οὐ μὴν ἐπὶ πολὺν χρόνον ἀπέλαυσε τῆς πατρίδος καταλειπὼν, ἀλλὰ ταχὺ τῶν Ἑλληνικῶν πραγμάτων συντριβέντων, Μεταγχιτιωνῶνος μὲν ἢ περὶ Κρανῶνα μάχῃ συνέπεσε, Βοηδρομιῶνος δὲ παρήλθεν εἰς Μουνηχίαν ἢ φρουρὰ, Πυανεψιωνῶνος δὲ Δημοσθένους ἀπέθανε τόνδε τὸν τρόπον.

⁶⁾ Плут. Димосѳ. 30, 8: Κατέστρεψε δὲ ἕκτη ἐπὶ δέκα τοῦ Πυανεψιωνῶνος μηνός. Жизнеопис. десяти ораторовъ, Иперидъ 12: καὶ οὕτως ἐτελεύτησε, Πυανεψιωνῶνος ἐνάτη ἰσταμένου.

Аэиинъ совершилосъ потому еще до наступленія мѣсяца Мѣмакти-
рїона.

Діодоръ Сицилійскій описываетъ эти происшествія въ архонт-
скомъ годѣ Кифисодора, другіе же напротивъ, какъ Діогенъ
Лаертскій и Діонисій ¹⁾, относятъ ихъ къ времени Филокла. Не
занимаясь теперь разсмотрѣніемъ, которое изъ сихъ двухъ пока-
заній заслуживаетъ преимущество, и принимая послѣднее чтобы
не устраняться отъ кажущихся трудностей, находимъ что, не
только въ Фаргиліонѣ, но и въ Гамиліонѣ архонтскаго года Фи-
локла, уничтоженіе независимости аэинской республики было уже
событіемъ оконченнымъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, Македонскіе цари уклонились те-
перь отъ политики своихъ предшественниковъ относительно аэин-
ской республики. Послѣ побѣды при Хэроніѣ, Филиппъ заключилъ
съ Аэинами союзъ ²⁾, не только не требуя измѣненій въ государ-
ственныхъ постановленіяхъ республики, но даже уступивъ имъ
городъ Оропъ ³⁾, и признавъ принадлежавшія имъ тогда внѣшнія
владѣнія ⁴⁾. Антипатръ напротивъ лишилъ Аэинянъ автономіи и
ограничилъ ихъ предѣлами Аттики: онъ видѣлъ въ нихъ и пос-
тупалъ съ ними какъ съ побѣжденными и завоеванными. Это со-
стояніе продолжалось до Полисперхонта, не смотря на стараніе
Аэинянъ измѣнить оное ⁵⁾. Въ своемъ посланіи къ Грекамъ ⁶⁾,
Полисперхонтъ объявляетъ Еллинамъ миръ и возстановляетъ,
именемъ царя, образъ правленія, существовавшій во время Фи-
липпа; уничтожаетъ измѣненія, произведенныя вождями (т. е. Ан-

¹⁾ См. Clintonis Fasti Hellenici conv. a Kruegero, pag. 174.

²⁾ Діод. XVI, 87, 3.

³⁾ Павсан. I, 34, 1: Τὴν δὲ γῆν τὴν Ὀρωπίαν, μεταξύ τῆς Ἀττικῆς καὶ Ταυρι-
ρικῆς, Βοιωτίας τὸ ἐξ ἀρχῆς οὖσαν, ἔχουσιν ἐφ' ἡμῶν Ἀθηναῖοι, πολεμήσαντες μὲν
τὸν πάντα ὑπὲρ αὐτῆς χρόνον, κτησάμενοι δὲ οὐ πρότερον βεβαίως πρὶν ἢ Φίλιππος
Θήβας ἐλὼν ἔδωκε σφίσιν. Cf. Димосе. Противъ Филиппа 11, глава 30: Εὐβοίαν
δὲ καὶ τὸν Ὀρωπὸν ἀντ' Ἀμφιπόλεως ὑμῖν ἀποδώσει. Смот. Клинтона, Fasti Hel-
len. pag. 405.

⁴⁾ О Самосѣ: Діодоръ XVIII, 56, 6.

⁵⁾ Діод. XVIII, 48.

⁶⁾ Діосъ. XVIII, 56.

типатромъ), въ слѣдствіе войны противъ Македонягъ (или войны Ламійской); обращаясь наконецъ къ Аѳинянамъ, говоритъ: «Аѳиняне да владѣютъ всеѣмъ какъ было при Филиппѣ и Александрѣ; но Оропъ останется, какъ нынѣ, за Ороплянами; Самось же даемъ Аѳинянамъ, какъ далъ имъ Филиппъ, отецъ нашъ» ¹⁾. Здѣсь слово *какъ нынѣ*, κατὰ τὸν νῦν, означаетъ измѣненіе введенное Антипатромъ, что весьма ясно узнается изъ содержанія всего письма, уничтожающаго распоряженія сего вождя, и несомнѣнно подтверждается соединеніемъ въ этомъ мѣстѣ Оропа съ Самосомъ. Оба владѣнія были признаны Филиппомъ за Аѳинянами; оба отдѣлены отъ республики Антипатромъ.

Итакъ городъ Оропъ не засисѣлъ отъ Аттики при архонтѣ Филоклѣ, въ годъ занятія Аѳинъ Антипатромъ.

Назначенію сего года противорѣчитъ въ одинаковой степени и другая причина: упоминовеніе въ надписи мѣсяца Гамиліона и помѣщеніе въ немъ десятой пританіи. Послѣ перенесенія новаго года съ зимы на лѣто, что произошло, по предложенію Метона, при архонтѣ Апсевдѣ, 432 до Р. X. ²⁾, Аѳиняне начинали свой архонтскій годъ первымъ днемъ мѣсяца Екатомвэона. Неизвѣстно какъ долго они сохраняли этотъ обычай; но во всякомъ случаѣ онъ былъ у нихъ въ употребленіи во время Антипатра при Филоклѣ. При такомъ однако устройствѣ календаря, десятая пританія не могла никогда совпадать ни съ Фаргиліономъ, ни съ Гамиліономъ.

По этимъ двумъ причинамъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Фишера и признать въ Филоклѣ архонта, бывшаго епонимомъ въ 3-мъ году 114-й Олимпіады, 322 — 321 до Р. X. Надпись не принадлежитъ этому году.

Она не относится такъ же и къ времени Филокла II-го, за-

¹⁾ Діод. XVIII, 56, 6: Ἀθηναίους δ' εἶναι τὰ μὲν ἄλλα καθάπερ ἐπὶ Φιλίππου καὶ Ἀλεξάνδρου, Ὀρωπὸν δὲ Ὀρωπίους ἔχειν, καθάπερ νῦν. Σάμον δὲ δίδομεν Ἀθηναίους, ἐπειδὴ καὶ Φίλιππος ἔδωκεν ὁ πατήρ.

²⁾ Recherches critiques pag. 25 sqq.

ишавшаго званіе архонта въ 1-й годъ 97-й Ол., 392 — 391 до Р. Х., ибо тѣже самыя причины, которыя заставляютъ отвергнуть Филокла III-го, удерживаютъ полную силу и для эпохи Филокла II-го. Всеобщее извѣстно, что аѣинскій новый годъ находился тогда въ срединѣ лѣта, и что городъ Оропъ составлялъ часть Віотійскаго союза.

Но оба означенныхъ факта: зависимость Оропа отъ аѣинской республики и начало года зимою, соединяются вмѣстѣ съ Филокломъ I-мъ, исполнявшимъ должность архонта въ теченіе всего 458 года до Р. Х. ¹⁾ Аѣинская игемонія, утвержденная и руководимая Перикломъ, держала Оропъ въ столь безпрекословномъ повиновеніи, что, изъ свободной республики, этотъ городъ поступилъ въ состояніе подданства и не былъ даже, ни присоединенъ къ Атикѣ, ни помѣщенъ въ число аѣинскихъ филъ: Фукидидъ ²⁾ называетъ Ороплианъ подчиненными Аѣивлианъ. По устройству же календаря тогдашняго времени, когда годъ начинался зимою, десятая пританія оканчивалась естественно въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ. Мы потому полагаемъ, что разбираемая нами надпись принадлежитъ пятому столѣтію до Р. Х., и что, заключавшееся нѣкогда въ ней, постановленіе аѣинскаго вѣча дано было въ послѣднюю пританію архонтства Филокла, во 2-й годъ 80-й Олимпіады, въ концѣ 458 года до Р. Х., точнѣе говоря въ самомъ началѣ 457 до Р. Х.

Противъ этого результата говорятъ по видимому два слѣдующихъ обстоятельства.

Г. Фишеръ, дополнивъ нѣсколько буквъ въ одномъ словѣ и прибавивъ къ нему цѣлый глаголь, читаетъ въ концѣ 7-й и въ началѣ 8-й строки: τὸν προέδρων ἐπεψήφισεν. А такъ какъ это выраженіе употреблялось въ 4-мъ столѣтіи, и притомъ послѣ 100-й Олимпіады, то онъ заключаетъ, что надпись не можетъ быть причислена къ времени предшествовавшему сей Олимпіадѣ. Но предлагаемое чтеніе есть только предположеніе, внушенное

¹⁾ Recherches critiques, pag. 55.

²⁾ Фукид. II, 23: Ὀρώπιον Ἀθηναίων ὑπήκοον.

автору другою надписью, которая издана въ 'Ефуд. Αρχαιολ. подъ № 371, и которую онъ принялъ за образецъ при объясненіи своей надписи. На камнѣ, какъ замѣчаетъ самъ г. Фишеръ, буквы такъ истерты, что съ трудомъ разбираются; и мы считаемъ невозможнымъ составлять цѣлую фразу изъ трехъ буквъ, сохранившихся въ не вполне вѣрныхъ остаткахъ.

Несравненно важнѣе другое возраженіе г. Фишера, относящееся къ формѣ буквъ надписи.

Не имѣя глубокихъ свѣдѣній въ эпиграфин, никогда не бывшей главнымъ предметомъ моихъ ученыхъ занятій, я не рѣшусь произнести сужденія въ этой части изученія Древности, приобретающей теперь весьма высокое значеніе. Я позволяю себѣ только выразить слѣдующее замѣчаніе. Правила, которымъ слѣдуютъ нынѣ при разборѣ греческихъ надписей, установлены хотя и не очень давно, однако въ то время, когда еще не велико было число государственныхъ грамматъ, служащихъ преимущественно для хронологическихъ опредѣленій. Можетъ быть, что эти правила должны теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣниться. Не забудемъ притомъ, что надпись г. Фишера не первоначальный подлинникъ, а только копія съ постановленія афинскаго вѣча, вырѣзанная на камнѣ въ самомъ Оропѣ; ибо подлинники оставались всегда въ томъ городѣ, въ которомъ декретъ былъ принятъ. Этотъ обычай узнается между прочимъ изъ изданной и отлично объясненной г. Рангависомъ, большой афинской надписи, которая была найдена въ Акрополѣ и есть только копія трехъ или четырехъ декретовъ, постановленныхъ на островѣ Кеосѣ ¹⁾. Г. Рангависъ думаетъ, что копія была вырѣзана на камнѣ еще на Кеосѣ и сообщена оттуда въ Афины; не было ли бы вѣроятнѣе предположить, что посланные представили свой договоръ въ афинское вѣче на обыкновенномъ письменномъ матеріалѣ, и что уже, по

¹⁾ R. Rangabé: Antiquités helléniques, vol. II (Athènes. 1855. in 4°), № 677, pag. 246—252. Г. Рангависъ оканчиваетъ свой комментарий словами: La pierre qui a été retrouvée à l'Acropole est sans doute une copie des trois ou des quatre décrets, faite à Céos et communiquée à Athènes.

его утверждени, опредѣлено было вырѣзать оный на камнѣ въ Аеинахъ? При такихъ перепискахъ могли легко вкраться особенности произношенія и письма той мѣстности, гдѣ копия вырѣзывалась на камнѣ, и тѣмъ значительно затруднить хронологическое опредѣленіе грамматы. Произношеніе же и письмо Оропяня не извѣстны еще въ такой степени, чтобы позволено было произнести объ нихъ совершенно вѣрное сужденіе. Хотя Оропъ и былъ первоначально вѣотійскимъ городомъ, но, какъ показать Преллеръ ¹⁾, онъ былъ болѣе въ связи съ Еретрією и вообще съ Еввією, чѣмъ съ Фивами; а по своему приморскому положенію и по близости храма Амфіарая, онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Островами и съ М. Азією. Іонійское вліяніе на письмо и произношеніе становится потому весьма вѣроятнымъ.

Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, оропская надпись оканчивается совершенно другою, чѣмъ въ описаніи г. Фишера. Мы видѣли, что въ ней нѣтъ буквы ω, т. е. нѣтъ одной изъ самыхъ главныхъ принадлежностей 4-го столѣтія до Р. Х.; слѣдовательно, по письму своему, она кажется можетъ быть причислена къ пятому вѣку. Есть притомъ два, почти современныхъ, памятника, одинъ по времени ей предшествующій, другой послѣдующій, и оба имѣющіе съ нею весьма большое сходство. Мы разумѣемъ: деньгу Θεμιστοκλα и Елевсинскую надпись. Герцогъ Люинъ и за нимъ г. Ваддингтонъ ²⁾ издали Мало-Азійскую деньгу, которую послѣдній ученый весьма справедливо приписываетъ Θεμιστοκλῆ, получившему отъ Артаксеркса городъ Магнисію. Буквы слова ΘΕΜΙΣΤΟΚΛΕΟΣ, написаннаго на одной сторонѣ деньги, и ΜΑ на другой, совершенно одинаковы съ буквами оропской надписи, такъ что мы не видимъ ни малѣйшаго между ними различія; а между тѣмъ медаль Θεμιστοκλα почти 15-ью годами древнѣ над-

¹⁾ Preller, Über Oropos (Berichte der Kön. Sächs. Gesellschaft der Wiss. 1852), pag. 175 sqq.

²⁾ Le duc Luynes: Choix de médailles grecques, pl. XI. W. H. Waddington: Médailles frappées au V-me siècle en Carie et en Jonie, издад. въ: Revue Numismatique, publiée par J. de Witte et A. de Longpérier (Paris. 1856), pag. 47—53.

писи, ибо Θεμιστοκλῆς померъ 471 до Р. Х. ¹⁾). Нѣсколько болѣе уклоняется Оропская надпись отъ Елевсинской, которую недавно вновь издалъ г. Зауппе, объяснивъ ее весьма основательнымъ, ученымъ толкованіемъ ²⁾). Единственное однако различіе ихъ состоитъ только въ формѣ буквы λ, которая на Елевсинскомъ камнѣ пишется древне-аттически V, на Оропскомъ напротивъ одинаково съ буквою Θεμιστοκλοῦς днѣги Λ. Всѣ прочія буквы обѣихъ надписей совершенно сходны. Но и это различіе не можетъ служить причиною изгнанія Оропскаго камня изъ 5-го вѣка; ибо точно такъ пишется буква Λ на Платѣйскомъ памятникѣ, подлинность котораго признается многими, весьма достойными, учеными. Мы потому остаемся при выраженномъ мнѣніи и относимъ надпись къ Филоклу 1-му, бывшему архонтомъ въ теченіе всего 458 года до Р. Х.

Заклучимъ этотъ разборъ Оропской надписи слѣдующимъ замѣчаніемъ. Буквы ΛΟΚ, сохранившіяся въ первой строкѣ надписи, могутъ означать не только Φιλοκλῆς, но такъ же, и въ одинаковой степени, Φιλοκράτης. Мы рѣшились назвать Φιλοκλῆς только потому, чтобы, принятіемъ Филократа, бывшаго архонтомъ еянимомъ еще за 27 лѣтъ до Филокла, въ теченіе всего 485 года до Р. Х. ³⁾, не слишкомъ возбудить чувство Эпиграфовъ, считающихъ не погрѣшимыми свои, однажды постановленныя, правила. Но чтеніе Φιλοκράτους едва ли не болѣе вѣроятно, ибо позволяетъ дополнить пустое пространство лучше, чѣмъ чтеніе φιλοκλέους; не смотря однако на это обстоятельство, г. Фишеръ устраняетъ оное, не входя даже въ дальнѣйшее разсмотрѣніе: «письмо показываетъ, говорить онъ ⁴⁾, что здѣсь нельзя разумѣть Филократа». Наша цѣль строго историческая; и, такъ какъ историческіе факты, ко-

¹⁾ Recherches critiques, pag. 149—157.

²⁾ Hermannii Sauppil Commentatio de inscriptione Eleusinia. Gott. 1861. in 4°.

³⁾ Recherches critiques, pag. 48 et 168.

⁴⁾ Epigr. Beiträge, pag. 68: und dass der (Philocrates) es nicht sein kann, zeigt die Schrift.

торыя мы надѣемся вывести изъ сей надписи, относятся равно-мѣрно къ обѣимъ эпохамъ и ни малѣйше не измѣняются отъ чтенія *φλοκράτου* или *φλοκλέου*; то, съ исторической точки зрѣнія, мы не имѣемъ причины отдавать преимущества тому или другому имени, и согласимся на то изъ нихъ, которое признается болѣе справедливымъ.

Познакомившись съ надписью, въ ея нынѣшнемъ видѣ, и опредѣливъ, сколько было возможно, время ея составленія, обратимся къ разсмотрѣнію результатовъ, которые могутъ быть изъ нея выведены и которые имѣютъ, по нашему мнѣнію, дѣйствительную важность.

Глава II.

Въ своихъ «Критическихъ изслѣдованіяхъ» ¹⁾, мы занимались вопросомъ о времени, въ которое Аэниане начинали гражданскій годъ свой и старались разяснить этотъ предметъ, остававшійся еще нерѣшеннымъ. Не входя въ подробности и не повторяя прежде сказаннаго, удовольствуемся теперь только главнымъ выводомъ изложенныхъ тамъ розысканій. Изъ разбора различныхъ извѣстій Иродота, Діодора, Діонисія Аликарнасскаго, Автора паросскаго мрамора и другихъ древнихъ писателей; преимущественно же посредствомъ близкаго знакомства съ способомъ изложенія событій у Иродота и Діодора Сицилійскаго, мы успѣли, надѣемся, доказать что, почти до самой Пелопоннесской войны, Аэниане начинали свой гражданскій годъ зимою, и что перенесеніе новолѣтія на мѣсяцъ *Εκατομβεων* произведено было, по предложенію Метона, въ архонтство Апсевда, 432 до Р. Х. Это мнѣніе, основанное тогда только на критикѣ древнихъ свидѣтельствъ, подтверждается теперь государственною аэинскою грамматою, Оропскою надписью, и пріобрѣтаетъ значеніе положительнаго историческаго факта. Если десятая пританія, которою оканчивался годъ,

¹⁾ *Recherches critiques sur l'histoire de la Grèce pendant la période des guerres médiques* (Paris. 1861. in 4°), pag. 11—27.

падаетъ на зимній мѣсяць Гамилионъ, то очевидно, что новолѣтіе начиналось тогда въ Аѳинахъ также зимою.

Уже одного такого результата было бы достаточно, чтобы показать большую важность драгоценной надписи г. Фишера; но она позволяетъ пойти еще далѣе. Она источникъ, откуда почерпается нѣсколько другихъ, столь же положительныхъ свѣдѣній; она ключъ, открывающій скрытые предметы и рѣшающій вопросы, считавшіеся почти загадкою. Руководясь этою надписью, можно узнать какъ первый мѣсяць древняго аѳинскаго года, такъ и самый день и праздникъ новаго года у Аѳинянъ въ означенную эпоху.

Въ приведенномъ разсужденіи своемъ, мы имѣли въ виду опредѣлить только время года, въ которое Аѳиняне помѣщали новолѣтіе предъ пелопоннискскою войною; мы не занимались розысканіемъ мѣсяца, бывшаго тогда первымъ, и даже вовсе не коснулись этого, хотя и необходимаго, предмета. Причина такого поступка лежала въ отсутствіи положительныхъ данныхъ, могущихъ служить основаніемъ для изслѣдованій. Приступаемъ къ нему теперь, желая дополнить прежній трудъ и надѣясь достигнуть точнаго результата. Говоримъ объ отсутствіи историческихъ данныхъ, не о господствующемъ между учеными мнѣніи; ибо, не смотря на совершенное молчаніе древнихъ писателей, Гамилионъ признается первымъ въ ряду аѳинскихъ мѣсяцевъ. Это мнѣніе, вѣнѣ говоря, эта гипотеза существуетъ со времени Скалигера.

Скалигеръ и за нимъ Петавій ¹⁾, обратившіе прежде другихъ вниманіе на этотъ предметъ, полагали, что аѳинскій годъ начинался первоначально мѣсяцемъ Гамилиономъ, на томъ только основаніи, что, послѣ предшествовавшаго ему мѣсяца Посидеона, вставлялся въ высокосныхъ годахъ цѣлый мѣсяць Посидеонъ II, который слѣдовательно, говорили они, заключалъ годъ. Оба уче-

¹⁾ Scaligeri Opus De emendatione temporum, ed. secunda (Genevae, 1629, in fol.), pag. 41 sq.

Petavii Opus De doctrina temporum (Lutet. Paris. 1627, in. fol.), vol. I, pag 46.

бурнымъ и весьма тяжелымъ какъ для людей, такъ и для стада. Эти слова поэта вызвали объясненія схолиастовъ и грамматиковъ, и были предметомъ ученыхъ толкованій, вѣроятно потому, что слово Ливзонъ, указывавшее на Ливзійскія празднества, сохранилось, какъ названіе мѣсяца, только въ городахъ М. Азіи; въ республикахъ же собственной Греціи очень рано вышло изъ употребленія и замѣнено было другимъ именемъ. Неизвѣстно, было ли это слово *Λυζών* когда либо принято въ Пелопоннесѣ; но вполне достовѣрно его употребленіе въ Віотіи и въ Атикѣ. О Віотіи свидѣтельствуетъ Проклъ, толкователь Платона. «Ливзонъ, говоритъ онъ ¹⁾, имя мѣсяца у Віотянъ». Г. Бёкъ ²⁾ отвергаетъ это извѣстіе, находя въ немъ противорѣчіе съ показаніемъ Плутарха, и утверждая притомъ, что мѣсяцъ Вукатій, соотвѣтствующій, по его мнѣнію, Ливзону, носитъ, какъ онъ выражается ³⁾, печать глубокой древности. Намъ кажется однако, что противорѣчія здѣсь вовсе нѣтъ, ибо Плутархъ, на котораго Проклъ ссылается, говоритъ только, что ни одинъ изъ віотійскихъ мѣсяцевъ не называется Ливзономъ ⁴⁾, что значитъ, не называется теперь, т. е. во время Плутарха. Утвержденіе же г. Бёка о глубокой древности имени мѣсяца Вукатія есть предположеніе, которое остается недоказаннымъ и едва ли можетъ быть когда либо доказано.

Еще менѣе сомнительно существованіе мѣсяца Ливзона въ древней Атикѣ. *Ἀθήαιον*, святилище Діониса ⁵⁾, τὰ λήνια, празднества Діониса, суть явные слѣды, на него указывающіе. Такъ какъ притомъ названія всѣхъ аѳинскихъ мѣсяцевъ, исключая только Елафиволіонъ, находятся въ тѣснѣйшей связи съ назва-

¹⁾ Scholia ad Hesiodum, издаѳ. въ Poëtae Minores Graeci ed. Gaisford. (edit. nova, Lips. 1823. in 8°), vol. II, pag. 308: Μῆνα δὲ Ἀθηναίων: ὄνομα μηνός κατὰ τοὺς Βοιωτοὺς.

²⁾ Vom Unterschiede der Lenäen etc., pag. 58.

³⁾ Pag. 50: Da der dem Lenäon entsprechende Bukatios das Gepräge des hohen Alterthums trägt.

⁴⁾ Πλούταρχος οὐδένα φησὶ μῆνα Ἀθηναίων Βοιωτοὺς καλεῖν.

⁵⁾ Etymol. Mag. v. u.: καὶ Ἀθήαιον, ἱερὸν Διονύσου.

нїями въ нихъ совершавшихся празднествъ, то слово Линэя давало бы уже право предположить и мѣсяць Линэонъ. Мы не будемъ однако останавливаться на вѣроятностяхъ, и обратимся къ точнымъ свидѣтельствамъ писателей.

Схολіасты, уюминающіе объ Линэяхъ, говорятъ положительно, что они праздновались въ мѣсяцѣ Линэонѣ ¹⁾. Также положительно называютъ этотъ мѣсяць Мосхопулъ, Тзетзесъ и Большой Етимологикъ ²⁾. Тѣ и другіе представляютъ неоспоримыя доказательства въ дѣйствительномъ существованіи Линэона въ ряду мѣсяцевъ древней аонской республики. Онъ былъ притомъ зимнимъ. Линэйскіе Агоны описываются всегда во время зимы, когда союзники не присутствовали при театральныхъ представленіяхъ. Такъ, къ извѣстнымъ стихамъ Аристофана въ Ахарнійцахъ ³⁾, схоліасты пишутъ, одинъ: τὰ δὲ Ἀθήναια ἐν τῷ μετοπώρῳ ἤγυετο, ἐν σίξ οὐ παρήσαν οἱ ξένοι, ὅτε τὸ δράμα τοῦτο οἱ Ἀχαρνεῖς ἐδιδάσχετο, и другой: χειμῶνος γὰρ λοιπὸν ὄντος, εἰς τὰ Ἀθήναια καὶ ἤχε τὸ δράμα.

Итакъ, естественно, что стихи Исіода обратили на себя вниманіе грамматиковъ, и вызвали толкованія. Число такихъ толкованій довольно значительно; къ нимъ присоединяется еще много другихъ извѣстій, относящихся къ тому же самому предмету; всѣ вмѣстѣ составляютъ богатую сокровищницу, заключающую въ себѣ многія драгоцѣнныя свѣдѣнія и свидѣтельствующую о высокой степени любопытства, которое этотъ вопросъ пробуждалъ въ древнихъ ученыхъ. Но содержаніе сихъ схоліевъ, большею частію, однообразно; вообще они раздѣляются на три катигоріи, смотря по цѣли, которую имѣли составлявшіе ихъ авторы. Схоліасты, занимавшіеся мѣсяцемъ Линэономъ, говорили объ немъ —

¹⁾ Исихій въ словѣ Διονύσια . . . . τὰ δὲ Ἀθήναια μηνὸς Ἀθηναίωνος.

Схол. Эсхина: τὰ δὲ Ἀθήναια μηνὸς Ἀθηναίωνος.

²⁾ Scholia ad Hesiodum ed. Gaisford. Lipsi. pag. 309. Moschor.: Κατὰ τὸν μῆνα δὲ τὸν Ἀθηναίωνα, ὅστις ἐστὶν ὁ Ἰανουάριος. Tzetzes: Οἱ μῆνες τῶν Ἀθηναίων· Ἑκατομβαιῶν, Ἀθηναίων etc. Etym. Mag. v. Ἀθηναίων.

³⁾ Ахарн. ст. 377.

одни для объясненія времени древняго Греческаго новолѣтія; другіе въ отношеніи Линѣйскихъ празднествъ; третьи наконецъ опредѣляли мѣсто Линэона въ ряду прочихъ мѣсяцевъ, т. е. желали обозначить, какому позднѣйшему мѣсяцу онъ соотвѣтствовалъ. Разсмотримъ каждую изъ сихъ категорій отдѣльно.

1-е.

Большой Етимологикъ, приведя стихъ Исіода и, объяснивъ смыслъ выраженія: βούδρα πάντα, и происхождение имени Αθηναίων, прибавляетъ: «Мѣсяць Линэонъ есть начало мѣсяцевъ»¹⁾, что значитъ: онъ былъ первымъ въ году мѣсяцемъ, т. е. въ немъ помѣщалось новолѣтіе. Это свидѣтельство Етимологика носятъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, и оно тѣмъ драгоцѣннѣе, что съ нимъ вполнѣ согласно показаніе Прокла, хотя текстъ сего толкователя испорченъ въ одномъ словѣ переписчикомъ. Оба писателя говорятъ совершенно одинаково, даже тѣми же словами, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что они почерпнули свои свѣдѣнія изъ одного источника; но у Прокла сказано: οὗτος δὲ ὁ μὴν ἀρχὴ χειμῶνος ἐστίν. Сравнивая однако эти слова съ словами Етимологика: οὗτος δὲ ὁ μὴν ἀρχὴ μηνῶν ἐστίν, становится очевиднымъ, что переписчикъ Прокла ошибся, и что и у него, вмѣсто ἀρχὴ χειμῶνος, слѣдуетъ читать ἀρχὴ μηνῶν. Г. Бѣкъ, который считаетъ, неизвѣстно почему, оба свидѣтельства худыми²⁾, хотя впрочемъ не отрицаетъ ихъ подлинности и пользуется ими наравнѣ съ такъ называемыми хорошими; г. Бѣкъ признаетъ толкованіе Прокла и толкованіе Етимологика различными, но старается доказать, что онѣ оба ведутъ къ одному результату. Древній аттический годъ, говоритъ онъ³⁾, начинался мѣсяцемъ Линэономъ; а такъ

¹⁾ Etym. Mag. v. Αθηναίων. 'Ἡσιόδος, μῆνα δὲ Αθηναίωνα, κατ' ἤματα, βούδρα πάντα. τὰ τοὺς βοῦς ἐκδέροντα διὰ τὸ κρύος. τὸν κατ' Αἴγυπτίους Χύακον καλούμενον. ἐκλήθη δὲ Αθηναίων διὰ τὸ τοὺς ὄνομα ἐν αὐτῷ κομίζεσθαι. οὗτος δὲ ὁ μὴν ἀρχὴ μηνῶν ἐστίν.

²⁾ Pag. 57: Bis hieher haben wir gute und rein zusammenstimmende Quellen: wir setzen aber der Vollständigkeit wegen auch die schlechten hinzu.

³⁾ Pag. 58 и 59.

какъ Линэонъ соотвѣтствуетъ Гамиліону, который есть начало зимы, то оба показанія одинаковы. Противъ этой аргументаціи возразилъ весьма справедливо г. Фрицше, говоря ¹⁾, что начало зимы полагается древними не въ Гамиліонѣ, но въ Посидеонѣ; слѣдовательно, прибавимъ мы, при чтеніи *χειμώνος*, нѣтъ ничего общаго у Етимологика съ Прокломъ. Мы думаемъ напротивъ, что Проклъ и Етимологикъ выписали оба у одного изъ толкователей, своихъ предшественниковъ, и что различіе въ ихъ словахъ происходитъ только отъ ошибки переписчика. Того же мнѣнія и г. Фрицше; но онъ очень заблуждается, считая подлиннымъ не текстъ Етимологика, а текстъ Прокла, т. е. слово *χειμώνος*, и измѣняя у Етимологика слово *μηών* въ *χειμώνος* ²⁾. Не говоримъ уже, если бы, для объясненія стиховъ Исіода, описывающаго зимній мѣсяць, Проклъ помѣстилъ въ своемъ комментарий, что поэтъ разумѣетъ зиму, то сказалъ бы ничтожнѣйшую вещь, недостойную столь ученаго и умнаго, какъ онъ писателя; мы замѣтимъ, что слова: *οὗτος δὲ ὁ μὴν ἀρχὴ χειμώνος ἐστίν*, не могутъ быть подлинными потому, что они противорѣчили бы Исіоду, ибо онъ говоритъ не о началѣ зимы, но о полномъ ея дѣйстви, и называетъ мѣсяць Линэонъ зимнимъ *χειμέριος*. Исправивъ же на противъ ошибку переписчика ³⁾, и вставивъ въ текстъ Прокла,

¹⁾ Fritzsche, De Lenaeis Atheniensium festo, commentatio secunda (Rostochii, 1837, in 4°), pag. 76: At prima hiems ab omnibus in Posideone, a nullo autem in Gamelione demum reponitur.

²⁾ Idem, ibid.: Nos autem supra docuimus, corrupta esse verba Etymologi, atque ex aliis grammaticis, a quibus eadem res ad verbum traditur, οὗτος δὲ ὁ μὴν ἀρχὴ χειμώνος ἐστίν haud dubie rescribi debere.

³⁾ Эта ошибка могла произойти весьма легко, по слѣдующей причинѣ. Переписчики ставили часто, вмѣсто *μηών*, только *μων* съ знакомъ сокращенія ω на ω , такъ что въ первоначальной рукописи находилось *ἀρχὴ μων*, что и было поводомъ къ позднѣйшему невѣрному чтенію. Первый переписчикъ повторилъ, вѣроятно случайно, слогъ *χη*, написавъ ошибочно *ἀρχὴ χη μων*, а второй, желая исправить, измѣнилъ въ *ἀρχὴ χειμώνος*. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что оба слога *χη* и *χε* произносились тогда одинаково *χι*. Вообще нельзя подумать, чтббы вмѣсто *ἀρχὴ χειμώνος* могъ кто-либо написать *ἀρχὴ μηών*; весьма легко напротивъ могъ ошибиться переписчикъ и изъ *ἀρχὴ μηών* сдѣлать *ἀρχὴ χειμώνος*.

вмѣсто слова *υπερώνος*, слово *μηών*, получивъ превосходный смыслъ и полное согласіе толкованій съ мѣстомъ писателя, которое они объясняютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возмозно принять за историческій фактъ, что *древнее греческое новолѣтіе было совершено однажды мѣсяца Ливзона*.

2-е.

Самое наибольшее число схолиевъ относится къ Ливзѣскимъ торжествамъ и имѣеть цѣлю опредѣлить время ихъ празднованія. Они раздѣляются на два класса: въ однихъ говорится только, что Ливзи совершались въ мѣсяцѣ Ливзонѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ указаній и объясненій; въ другихъ, напротивъ, приводятся разныя обстоятельства и упоминаются названія различныхъ мѣсяцевъ, въ продолженіе коихъ эти празднества происходили.

А. Схолиасты, принадлежащіе къ первому классу, пишутъ совершенно одинаково, повторяя почти всегда тѣ же самыя выраженія и не отличаясь ничѣмъ другъ отъ друга. Нельзя сомнѣваться, что они выписывали воѣ у одного автора, и потому могутъ быть разсматриваемы какъ одинъ источникъ. *Διονυσίων*, говоритъ схолиастъ Эсхина ¹⁾, *ἑορτὴ Ἀθήνησιν ἤγετο, τὰ μὲν κατ' ἀγρούς μηνός Ποσειδεῶνος, τὰ δὲ Ἀθήναια μηνός Αθηναίωνος, τὰ δ' ἐν ἄστει Ἐλαφρολιώνος*. Тѣми же словами свидѣтельствуеть Исихій ²⁾: *Διούσια, ἑορτὴ Ἀθήνησιν ἢ Διούσιω ἤγετο, τὰ μὲν κατ' ἀγρούς μηνός Ποσειδεῶνος, τὰ δὲ Ἀθήναια (по исправленному Рункеніемъ чтенію, вмѣсто рукописнаго τὰ δὲ κλαῖα) μηνός Αθηναίωνος, τὰ δ' ἐν ἄστει Ἐλαφροβλιώνος*. Сюда же принадлежатъ схоліи, находящійся въ Риторическомъ словарѣ. *Διούσια*, сказано въ немъ ³⁾, *ἑορτὴ Ἀθήνησι Διούσου. ἤγετο δὲ τὰ μὲν κατ' ἀγρούς μηνός Ποσειδεῶνος, τὰ δὲ Ἀθήναια Γαμηλαιώνος, τὰ δ' ἐν ἄστει Ἐλαφροβλιώνος*. Здѣсь форма *Γαμηλαιώνος* сама собою указываетъ на ошибку

¹⁾ Scholia ad Aeschini orat. in Timarchum (Reiske, vol. III, pag. 729).

²⁾ Исихій въ сл. *Διούσια*.

³⁾ Bekkeri Anecdota graeca, vol. I, pag. 235, 6. s. v. *Διούσια*.

Діонисіевъ. Его ipotesi раздѣляли позднѣйшіе писатели, не только его приверженцы, но и противники, которые отступали отъ него только въ томъ отношеніи, что сближали Линэи съ Анаестиріями, но въ сущности руководились его основною мыслию, что Линэйскій праздникъ не былъ самостоятельнымъ. Это весьма важное заблужденіе Скалигера было открыто, критически разобрано и совершенно опровергнуто и уничтожено г. Бёкомъ, въ его разсужденіи «О различіи Линэевъ, Анаестиріевъ и Сельскихъ Діонисіевъ»¹⁾. Авторъ доказалъ, по нашему мнѣнію неоспоримо, независимость Линэевъ отъ прочихъ аѳинскихъ праздниковъ, и тѣмъ устранилъ одну изъ преградъ, затруднявшихъ доступъ къ этому весьма темному предмету. Не повторяемъ его доказательствъ, довольствуясь ссылкой на его трудъ и не рѣшаясь воспользоваться заслугами другихъ: эта заслуга принадлежитъ вполне г. Бёку. Тѣмъ страннѣе видѣть, что г. Фрицше, обратившись опять къ взгляду Скалигера, не только не оцѣнилъ ее, но даже упрекнулъ автора въ желаніи сказать что либо новое²⁾.

У всѣхъ древнихъ народовъ день Новаго года праздновался религіозными обрядами и жертвоприношеніями, къ которымъ присоединялись, какъ напр., у Евреевъ, и народныя увеселенія. Въ такомъ двойственномъ характерѣ являются первоначально аѳинскіе Линэи. Они были въ полномъ смыслѣ праздникомъ, т. е. и священнымъ дѣйствіемъ, почему носятъ названіе *ἑορτή*, и общественнымъ увеселеніемъ гражданъ; послѣднее даже преобладало и составляло ихъ существенное отличіе.

В. Въ другомъ положеніи находимъ Линэи послѣ перенесенія начала аѳинскаго новолѣтія съ зимы на лѣто, и послѣ того какъ мѣсяцъ, носившій имя Линэона, получилъ другое названіе. Они утра

¹⁾ Vom Unterschiede der Lenæen, der Anthesterien und der ländlichen Dionysien (Abhandl. der Berliner Academie, 1816), pag. 64 sqq.

²⁾ Fritzsche, l. c. pag. 80 sq.: Atque haec sunt illa aureola argumenta, quibus Boeckhius rem ante illum diem plane inauditam efficere conatur, Lenaea festum quoddam peculiare Atheniensium fuisse; de quo ne somniavit quidem ante Boeckhium quisquam, quum milleni philologi de Lenaeis cogitassent, centeni autem in his summi quique viri etiam opera dedita commentarios de eis scripississent.

тили тогда значеніе праздника Новаго Года, перестали быть связанными съ извѣстнымъ мѣсяцемъ, и сохранили только характеръ ежегоднаго народнаго увеселенія, состоявшаго преимущественно въ театральныхъ представленіяхъ, на которыхъ состязались драматическіе поэты, почему и называются, какъ прекрасно замѣтилъ г. Визелеръ ¹⁾, у древнихъ писателей, обыкновенно, Агонами. Къ этому новому, такъ сказать по Метонскому, положенію Линэевъ относятся извѣстія схолиастовъ, которыхъ мы причислили ко второму классу. Въ особенности заслуживаетъ между ними вниманія свидѣтельство схолиаста Платона, который говоритъ ²⁾, что Линэи праздновались въ Мэмактиріонѣ. Новѣйшіе ученые отвергаютъ какъ это, такъ и нѣсколько другихъ подобныхъ извѣстій, и выражаются о нихъ съ презрѣніемъ, но несправедливо. Г. Ринкъ ³⁾, подвергъ схолій Платона критическому разбору, объяснилъ его хронологически и показалъ его важность для изученія аэинскаго календаря. Г. Ринкъ приходитъ къ результату, что, въ эпоху Цицерона и Адриана, Мэмактиріонъ соотвѣтствовалъ февралю и находился слѣдовательно въ концѣ зимы. Свидѣтельство схолиаста согласно съ истиною и даетъ, сверхъ того, ключъ къ уразумлѣнію прочихъ сюда относящихся мѣстъ древнихъ авторовъ и къ рѣшенію вопроса, представляющаго большія трудности и такъ давно занимающаго новѣйшихъ ученыхъ.

Когда Аэиняне, говорили мы, перемѣнили имя Линэона, въ особенности же когда перенесли новолѣтіе на Екатомвэонъ, Линэи не были болѣе празднуемы въ извѣстномъ мѣсяцѣ, но только въ опредѣленное время года, именно зимою. Линэи могли происходить, и дѣйствительно происходили, въ разные мѣсяцы, которые, согласно съ требованіями календаря, совпадали съ зимою. Мы

¹⁾ F. Wieseleri Disputatio de loco, quo ante theatrum Bacchi lapideum constructum Athenis acti sint ludi scenici (Gott. 1860.), pag. II: Praeterea tenendum est, omnibus locis appellari ἀγῶνας, certamina, quae secundum Plutarchum Thespidis temporibus nondum committebantur.

²⁾ Schol. in Rempub. pag. 409 (Bekker): τὰ δὲ Ἀθήναα μῆνός Μαμακτιριῶνος.

³⁾ Rinck, Die Religion der Hellenen, II. Thl., 1. Abth. pag. 90 sqq.

видѣли, что онѣ совершались въ Мэмактиріонѣ; другой грамматикъ ¹⁾ напротивъ помѣщаетъ ихъ въ Посидеонѣ. Онъ говоритъ, правда, что мѣсяцъ Линэонъ есть Посидеонъ; но это только неточность въ выраженіи: онъ хотѣлъ сказать, что въ его время Линэйскіе Агоны происходили въ Посидеонѣ; ибо названіе Линэона, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, было замѣнено другимъ именемъ, но не Посидеономъ.

По этой самой причинѣ Линэи могли также совпадать, а иногда и совпадали, съ другими аѳинскими праздниками. Такъ, въ двухъ сколіяхъ къ Ахарнійцамъ Аристофана ²⁾, Линэи называются Сельскими Діонисіями, Διονύσια ἐν ἀγροῖς; это значитъ, что, въ эпоху составленія сихъ сколіевъ, оба праздника, по тогдашнему состоянію аѳинскаго календаря, сошлись въ одно время. Линэи обыкновенно предшествовали Хоямъ; случалось однако, что они послѣдовали за ними, какъ видно изъ древняго свидѣтельства, сохранившагося у Свиды ³⁾.

Приведенныя здѣсь мѣста древнихъ писателей убѣждаютъ въ мнѣніи, что Линэйскіе Агоны относились къ числу, такъ называемыхъ, праздниковъ *переходныхъ*; они назначались всегда въ определенное время года, именно зимою, но были независимы отъ того или другаго мѣсяца. Правда, что Агоны, совершавшіяся въ известное время въ одномъ году, праздновались въ слѣдующемъ году почти въ то же время, такъ что различіе, вѣроятно, состояло только въ одной или двухъ декадахъ; не смотря однако на то, они не принадлежали одному и тому же мѣсяцу. Они и не могли принадлежать, ибо въ такомъ случаѣ, при способѣ дополненія гражданскихъ годовъ цѣлыми мѣсяцами, могло произойти, что Линэи падали бы иногда на осень, или на весну, и утратили бы харак-

¹⁾ Его цитуетъ г. Вѣкъ на стр. 50.

²⁾ Schol. ad Acharn. v. 504 и 201.

³⁾ Suidas s. v. Τὰ ἐκ τῶν ἀμαξῶν σκώματα. ἐπὶ τῶν ἀπαρακαλύπτως σκωπτόντων. Ἀθήνησιν γὰρ ἐν τῇ τῶν Χοῶν ἑορτῇ οἱ κομαζόντες ἐπὶ τῶν ἀμαξῶν τοὺς ἀπαντῶντας ἐσκωπτόν τε καὶ ἐλοιδοροῦν. τὸ δ' αὐτὸ καὶ τοῖς Ἀθηναίοις ὑστερον ἐποίουν.

теръ зимняго праздника, который имъ единогласно придается въ древности.

Итакъ, въ исторіи Линзевъ мы различаемъ два періода. Въ первомъ, продолжавшемся, вѣроятно, до Метона, Линэи были праздникомъ аеинскаго Новаго Года и происходили постоянно въ первый день мѣсяца Линэона. Во второмъ періодѣ, они были народнымъ празднествомъ, назначавшимся всегда зимою, независимо отъ того или другаго мѣсяца, другими словами, они стали тогда *праздникомъ переходнымъ*. Въ оба періода Линэи были праздникомъ самостоятельнымъ и не имѣли ничего общаго ни съ Сельскими Діонісіями, ни съ Анеэстиріями.

3-е.

Къ третьему разряду толкованій Исіода принадлежатъ пять схолиевъ, имѣющихъ цѣлю опредѣлить, какому позднѣйшему мѣсяцу соотвѣтствовалъ древній Линэонъ. Однако изъ сихъ пяти схолиевъ три не относятся къ нашему предмету; ибо Мосхопулъ ¹⁾, Тзетзезъ ²⁾ и Большой Етимологикъ ³⁾, говорятъ только, что Линэонъ называется у Египтянъ Хіакомъ и Январемъ у Римлянъ. Какую бы важность не имѣли эти показанія для общей хронологіи, они нисколько не способствуютъ къ узнанію имени аеинскаго мѣсяца, замѣнившаго существовавшій вѣкогда Линэонъ. Мы не будемъ потому на нихъ останавливаться и рассмотримъ свидѣтельства Исихіа и Прокла.

Исихій говоритъ: *Ἀθηαῶν μῆν· οὐδένα τῶν μηνῶν Βουκατοῖ οὕτω καλοῦσιν· εἰκάζει δὲ ὁ Πλούταρχος Βουκατίον· καὶ γὰρ ψυχρὸς ἐστίν· ἐνιοὶ δὲ τὸν Ἑρμαῖον, ὃς κατὰ τὸν Βουκατίον ἐστίν· καὶ γὰρ Ἀθηναῖοι τὴν τῶν Ἀθηαῶν ἐορτὴν ἐν αὐτῷ ἄγουσιν.* Г. Бѣкъ и за нимъ г. Фрицше относятъ слово ἐν αὐτῷ къ мѣсяцу Ермэю; но

¹⁾ Moschop. (Scholia ad Hesiodum ed. Gaisford. Lips. pag. 309): Κατὰ τὸν μῆνα δὲ τὸν Ἀθηαῶνα, ὅστις ἐστίν ὁ Ἰανουάριος etc.

²⁾ Tzetzes (ibidem, pag. 308): Μῆνα δὲ Ἀθηαῶνα, τὸν Χοιάκ, ἤγουν τὸν Ἰανουάριον etc.

³⁾ Etymol. Mag. v. Ἀθηαῶν·..... τὸν κατ' Αἰγυπτίους Χύαμον καλούμενον.

ихъ толкованіе не согласно съ общимъ правиломъ схолиастовъ, которые пишутъ всегда отдѣльными фразами, и притомъ такимъ образомъ, что каждая изъ нихъ относится къ главному, ими объясняемому слову. Такъ и здѣсь, фраза *καὶ γὰρ ψυχρὸς ἐστὶν* принадлежитъ къ слову *Ληναίων μῆν*, и къ этому же самому слову относится и послѣдняя фраза *καὶ γὰρ Ἄθηνάων* etc. Смыслъ словъ Исихія есть слѣдующій: «Віотяне не называютъ ни одного мѣсяца именемъ Линэонъ; Плутархъ сравниваетъ его съ Вукатиємъ, другіе же съ Ермэемъ; въ мѣсяцѣ Линэонѣ Аѳиняне празднуютъ Линэи». Это мѣсто Исихія даетъ ключъ къ узнанію точнаго смысла свидѣтельства Прокла, послужившаго поводомъ къ жаркимъ преніямъ между учеными.

У Прокла ¹⁾ сказано: *Πλούταρχος οὐδένα φησὶ* (по чтенію Рункенія, вмѣсто *οὐδὲ ἀφίησι*) *μῆνα Ληναίωνα καλεῖσθαι παρὰ Βοιωτοῖς. ὑποπτέυει δὲ ἢ τὸν Βουκάτιον* (по Виттенбаху вмѣсто *Βουκαῖρον*) *αὐτὸν λέγειν, ὅς ἐστιν ἡλίου τὸν αἰγόκερων διόντος, καὶ τοῦ βούδωρα τῷ Βουκατίῳ* (также по Виттенбаху вмѣсто *τῷ βουκέρῳ*) *συναδοντος, διὰ τὸ πλείστοις ἐν αὐτῷ διαφθείρεσθαι βόας. ἢ τὸν Ἑρμαῖον, ὅς ἐστι μετὰ τὸν Βουκάτιον* (вмѣсто *τὸν Βούδωρα*) *καὶ εἰς ταῦτὸν ἐρχόμενος τῷ Γαμηλιῶν. καὶ ὃν* (по Шпальдингу вмѣсто *καὶ ὃ*) *καὶ τὰ Ἀθήναια παρ' Ἀθηναίους. Ἴωνες δὲ τοῦτον οὐδ' ἄλλως, ἀλλὰ Ληναίωνα καλοῦσιν.* Г. Бёкъ ²⁾, составившій весьма обширный комментарий на это мѣсто Прокла, выводитъ изъ него, что какъ аттический, такъ и іонійскій Линэонъ соотвѣтствовали Гамиліону; что, при различіи лѣтосчисления у Аѳинянъ и Віотійцевъ, Гамиліонъ совпадалъ и съ Вукатиємъ и съ Ермэемъ; и что Линэйскіе Агоны совершались всегда въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ. Г. Фришше ³⁾ утверждаетъ, что Проклъ соединилъ здѣсь два противоположныхъ извѣстія, что мѣсяцъ Ермэй соотвѣтствуетъ Анаэстиріону, и что Линэи не имѣ-

¹⁾ Scholia ad Hesiodum ed. Gaisford. Lips. pag. 307, ad vers. 502, v. v. *Μῆνα δὲ Ληναίωνα.*

²⁾ Pag. 54—58.

³⁾ De Lenacis pag. 72—76.

ли ничего общаго ни съ Гампѣономъ, ни съ Ермэемъ. Сельденъ ¹⁾, Рункеній ²⁾, Бартелеми ³⁾ и Корсини ⁴⁾ видятъ въ этихъ же самыхъ словахъ Прокла неопровержимое доказательство, что Ливіа праздновалась въ Анеестиріонѣ. Всѣ эти столь разнообразныя и противорѣчащія толкованія одного и того же мѣста не оправдываютъ ли замѣчанія, что ученые влагаютъ иногда въ древнія свидѣтельства не то значеніе, которое желали выразить авторы, но которое имъ самимъ необходимо для подтвержденія своего прежде уже принятаго мнѣнія?

Обращаясь къ разбору самаго текста Прокла, находимъ, что наибольшія разногласія возбудили во 1-хъ слово τοῦτον въ послѣдней фразѣ, и во 2-хъ слово καὶ τὸ въ предшествовавшей; имъ обоемъ придають смыслъ, котораго онѣ, по нашему мнѣнію, не имѣютъ и имѣть не могутъ. Г. Бѣкъ относитъ τοῦτον къ τῷ Γαμψιῶνι, и переводитъ потому все предложеніе такъ: «Іоняне называютъ Ливіономъ мѣсяць Гампѣонъ». Г. Фрише ⁵⁾, напротивъ того, утверждаетъ, что τοῦτον полтавлено здѣсь Прокломъ вмѣсто τὸν Ἐρμαίου, и что писатель хотѣлъ указать на тождество іонійскаго Ливіона съ вѣотійскимъ Ермэемъ. Мы не можемъ согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ толкованіемъ какъ по соображенію съ обыкновеннымъ способомъ изложенія схолиастовъ, такъ и потому, что оба толкованія противорѣчатъ точному смыслу словъ Прокла.

Авторъ написалъ комментарий на стихъ Исіода, вѣрнѣе говоря, на слова Ἀγλαῖον μῆνι, въ этомъ стихѣ встрѣчающіяся; естественно, что всѣ части сего комментарія клонятся къ уразумѣнію только этого выраженія Исіода. Схолиі Прокла, какъ и другіе подобныя схолиі, составляетъ неразрывное цѣлое: конецъ связанъ тѣснѣйшимъ образомъ съ началомъ; оба взаимно себя дополняютъ, оба имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же предметъ.

¹⁾ Selden, ad Marm. Oxonien. (ed. Prideaux), pag. 75—79.

²⁾ Ruhnkenii Opuscula ed. Friedemann, I, pag. 208 sq.

³⁾ Barthélemy: Mémoires de l'Académie des Inscript. vol. XXXIX, pag. 70 sqq.

⁴⁾ Corsini: Fasti Attici, II, pag. 325 sqq.

⁵⁾ De Lencæis, pag. 75.

Этотъ предметъ есть *Ἀθηναίων μῆν*. Мы потому думаемъ, что *τοῦτο* относится къ слову *Μῆνα δὲ Ἀθηναίων*, поставленному въ главѣ толкованія. Прокль пишетъ: «Плутархъ говоритъ (мы переводимъ буквально), что Віотяне не называютъ Линэономъ ни одного изъ своихъ мѣсяцевъ; онъ предполагаетъ, что они именуютъ его, или Вукатіемъ, или Ермземъ; Ионяне же не называютъ его иначе, но именуютъ Линэономъ». Замѣтимъ, что авторъ не сказалъ просто *Ἴωνες δὲ τοῦτον Ἀθηναίωνα καλοῦσιν*, но употребилъ выраженіе: *οὐδ' ἄλλως, ἀλλὰ Ἀθηναίωνα*, которое показываетъ, что мѣсяць, скрывающійся въ словѣ *τοῦτον*, назывался въ другихъ мѣстностяхъ иначе, т. е. перемѣнялъ свое наименованіе, въ Іоніи же напротивъ не перемѣнилъ, а сохранялъ всегда свое прежнее названіе Линэона. Можно ли сомнѣваться, что Прокль, подъ словомъ *τοῦτον*, не разумѣлъ ни Гамиліона, ни Ермэя, ни Вукатія, но что во всемъ его толкованіи, съ начала до конца, рѣчь идетъ только объ Линэонѣ? Впрочемъ, главная причина разногласія лежитъ въ словѣ *τῷ Γαμηλιῶν*¹⁾, употребленномъ въ предложеніи: *καὶ εἰς ταῦτον ἐρχόμενος τῷ Γαμηλιῶν*. Это слово казалось ученымъ столь страннымъ и неумѣстнымъ, что одни принимали его за позднѣйшую вставку, другіе — за недосмотръ самого Прокла, и всѣ вообще, кромѣ только г. Бѣка, считаютъ его необъяснимымъ. Мы думаемъ, что оно есть только ошибка переписчика, и поставлено имъ вмѣсто *τῷ Ἀθηναίων*, котораго необходимо требуетъ общій смыслъ комментарія. Прокль или Плутархъ не знаютъ, какой мѣсяць въ точности соотвѣтствовалъ древнему Линэону, ибо, говорятъ они, не только Вукатій, но Ермэй равномѣрно подходитъ (*καὶ εἰς ταῦτον ἐρχόμενος*), кому?—естественно Линэону.

Переходимъ къ предложенію: *καὶ ὁ τὰ Ἀθήαια παρ' Ἀθηναίοις. Спальдингъ, полагавшій чтеніе *καὶ ὁ* невѣрнымъ, измѣнилъ оное въ *καὶ ὅν* (sc. *μῆνα*), и переводитъ такъ: «въ продолженіе, или*

¹⁾ Г. Фрицше весьма хорошо замѣтилъ, что въ первоначальной рукописи, вѣроятно, поставлено было ошибкою *Γαμηλαίων*, подобно тому, какъ читается въ Риторическомъ словарѣ.

бенную цѣну указанія косвенныя, которыя дѣйствительно и сохранились.

Иоаннъ Тзетзесъ ¹⁾ пишетъ: Μῆνα δὲ Ἀθηναίων. Τὸν Χοάκ, ἤγουν τὸν Ἰανουάριον, ὃς Ἀθηναίων παρ' Ἴωσι καλεῖται, ὅτι (по Тринкавелли) τὰ Πιδοῦγια ἐν τούτῳ ἐγένετο, ἧ ὅτι τῷ τῶν ληρῶν αἰτίῳ Διουσοφ ἐορτὴν τὴν λεγομένην Ἀμβροσίαν ἐτέλουν. Хотя авторъ говоритъ здѣсь объ іонійскомъ Линэонѣ, но упоминаніе праздника Пидогій позволяетъ сдѣлать заключеніе объ Линэонѣ аттическомъ. Въ позднѣйшія времена древности, при различіи календарей и при греческомъ способѣ дополненія года цѣлыми мѣсяцами, іонійскій Линэонъ совпадалъ, вѣроятно, въ различные годы, съ разными аѳинскими мѣсяцами. Но когда Іоняне, выйдя изъ Атики, поселились въ М. Азіи, то они, безъ сомнѣнія, принесли съ собою распредѣленіе мѣсяцевъ своей митрополи; и тогда мѣсяць Линэонъ занималъ у нихъ то же мѣсто, которое принадлежало ему въ ряду мѣсяцевъ аѳинскихъ. По обычаю переселенцевъ, Іоняне удержали также божества и обряды прежняго отечества и праздновали дни, бывшіе священными въ Атикѣ. Въ Іонійскомъ Линэонѣ находились потому празднества, помѣщавшіяся въ Линэонѣ аѳинскомъ. Эти празднества были постоянными, оставаясь всегда въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ, хотя бы онъ и перемѣнялъ свое названіе. Онѣ были святынею, связывавшею поселенія съ митрополиею. Фукидидъ ²⁾ подтверждаетъ этотъ фактъ, говоря, что Іоняне чтили въ его время Древнѣйшія Діонисіи, празднуемая Аѳинянами въ храмѣ Діониса въ Лимнахъ (ἐν Λίμναις). Свидѣтельство Тзетзеса дополняетъ Фукидида, и показываетъ, что тѣ и другіе сохраняли ихъ еще позднѣе. По его словамъ, Пидогіи происходили у Іонянъ въ Линэонѣ; мы ихъ слѣдовательно можемъ искать въ Атикѣ такъ же только въ Линеонѣ, или въ томъ мѣсяцѣ, котораго имя вытѣснило прежнее названіе Линэона. Пидо-

¹⁾ Scholia ad Hesiodum ed. Gaisford. Lips. pag. 308.

²⁾ Thucyd. II, 15, 4: καὶ τὸ (ιερόν) ἐν Λίμναις Διονύσου, ᾧ τὰ ἀρχαιότατα Διονύσια τῆς δωδεκάτης ποιεῖται ἐν μηνὶ Ἀνδροστηρίῳ, ὡσπερ καὶ οἱ ἀπ' Ἀθηναίων Ἴωνες ἐπι καὶ νῦν νομίζουσιν.

гн (τὰ Πιθούγνια) составляли, вмѣстѣ съ Хоями (οἱ Χόες) и Хитрами (οἱ Χύτροι), тотъ великій праздникъ, котораго Аполлодоръ ¹⁾ и вообще позднѣйшіе писатели называютъ Анеэстиріями (τὰ Ἀνεσθηρία), Фукидидъ же Древнѣйшими Діонисіями (τὰ ἀρχαιότερα Διονύσια). Этотъ праздникъ, по увѣренію того же историка, находился въ мѣсяцѣ Анеэстиріонѣ. Отсюда истекаетъ естественное слѣдствіе, что мѣсяцъ Анеэстиріонѣ носилъ первоначально названіе Лизэона.

Это мнѣніе выразилъ въ первый разъ Сельденъ въ своемъ ученomъ комментарий къ Маггога Охоніензіа, но только въ видѣ предположенія или догадки, долженствовавшей служить подтвержденіемъ его другой гипотезѣ о тождествѣ Лизэонѣ съ Анеэстиріями. Сельденъ опровергалъ Скалигера, который думалъ, что Лизэи назывались иначе Сельскими Діонисіями, и который сравнивалъ мѣсяцъ Лизэонѣ съ Посидеономъ. Хотя это мнѣніе Скалигера совершенно ошибочно, оно однако встрѣтило приверженцевъ. Его раздѣлялъ, повидимому, Петавій, и вполне приняли Казобонъ, Петитъ, Пальмерій и другіе ²⁾. Оно нашло и ревностныхъ защитниковъ. Одеричи, въ прошедшемъ столѣтіи, и г. Фрицше, въ наше время, старались доказать оное древними свидѣтельствами, руководясь однако постоянно мыслію Скалигера и придавая очень часто словамъ писателей смыслъ, который въ нихъ вовсе не находится. Въ свою очередь, Сельденъ приобрѣлъ послѣдователей, и въ ихъ числѣ, знаменитыхъ ученыхъ 18-го столѣтія Корсини, Бартеlemi и Рункенія, которые такъ же приводили доказательства въ пользу его мнѣнія. Но тѣ и другіе смотрѣли на вопросъ о мѣсяцахъ Лизэонѣ и Анеэстиріонѣ какъ на второстепенный и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ побочный; все ихъ вниманіе было обращено только на объясненіе Лизэйскихъ празднествъ.

Противники Сельдена опираются преимущественно на значе-

¹⁾ Арпократ. s. v. Χόες: Φησὶ δὲ Ἀπολλόδωρος Ἀνεσθηρία μὲν καλεῖσθαι τὴν ἅλην ἐορτὴν Διονύσεω ἀγομένην, κατὰ μέρος δὲ Πιθούγνια, Χόας, Χύτρους.

²⁾ Всѣ эти мнѣнія изложены весьма подробно г. Бёкомъ въ началѣ его разсужденія о Лизэяхъ.

ніе слова Ἀνθεστηριών, которое они производятъ отъ ἄνθος, цвѣтъ, и принимаютъ въ томъ смыслѣ, что въ этомъ мѣсяцѣ появляются цвѣты, т. е. начинается весна. Линэонъ, говорятъ они, есть мѣсяць зимній, Аноэстирионъ напротивъ, весенній; ихъ сравненіе не возможно. Это главный доводъ противъ мнѣнія Сефьдена и его послѣдователей. Но его уничтожаетъ Фукидидъ, опредѣляющій, съ своею точностію, начало весенняго времени въ Греціи. Онъ говоритъ ¹⁾, что Оиванцы пошли противъ Платэй съ наступленіемъ весны, за два мѣсяца до начала новаго архонтскаго года; это значить, во второй половинѣ мѣсяца Мунихіона. Если же Греки принимали весну только въ Мунихіонѣ, то они не могли назвать мѣсяца Аноэстириона иначе какъ зимнимъ; слѣдовательно и этимологія слова Ἀνθεστηριών отъ ἄνθος не вѣрна. Были впрочемъ и въ древности ученые, какъ напримѣръ авторъ Большаго Етимологика ²⁾, выставившіе уже тогда сіе производство. Но это только игра ума и принадлежитъ къ числу многихъ этимологій, встрѣчающихся у схоластовъ и грамматиковъ и не имѣющихъ никакого вѣса. Греческіе мѣсяцы получили свои названія отъ совершавшихся въ нихъ празднествъ, и весьма странно было бы видѣть исключеніе для одного и притомъ зимняго мѣсяца. Г. Фазеліусъ ³⁾ предложилъ производство отъ ἄνθος, цвѣтъ, и τηρεῖν, сохранять, и придаетъ Аноэстириону значеніе мѣсяца, въ которомъ слѣдовало предохранять цвѣты отъ холода. Но въ такомъ случаѣ названіе Аноэстириона было бы болѣе приличнымъ для обозначенія Посидеона, или даже Мэмактириона, т. е. мѣсяца, помѣщавшагося въ началѣ, а не въ концѣ зимы.

Слово τὰ Ἀνθεστήρια было, кажется, свѣтскимъ, или мірскимъ названіемъ праздника, носившаго сверхъ того религіозное имя Древнѣйшихъ Діонисій. Этотъ праздникъ продолжался три дня и состоялъ не только въ богослуженіи, совершавшемся, по выраже-

¹⁾ Фукид. II, 2: καὶ Πυθωδῶρου ἐπὶ δύο μῆνας Ἀρχοντος Ἀθηνᾶσις . . . ., καὶ ἅμα ἤρι ἄρχομένῃ.

²⁾ Въ вышеприведенномъ мѣстѣ.

³⁾ Faselius: Der Attische Kalender (Weimar. 1861. in 8°), pag. 44.

нiю Димосвена ¹⁾, въ древнѣйшемъ и святѣйшемъ храмѣ Дiониса въ Лимнахъ, но такъ же въ пиршествахъ, которыми граждане взаимно себя угощали и на которыя указываютъ названiя трехъ дней Аноэстирiевъ: Πισοίγiα, Χύτροι, Χόες. Сами аэинскiе цари читали въ старину эти обряды и пировали во время сихъ праздни-ковъ съ своими гостями и ближними, увеселяя ихъ круговою ча-шею, какъ видно изъ любопытныхъ разсказовъ Фанодима и Апол-лодора ²⁾ о приѣмѣ Ореста царемъ Пандiономъ и о прекращенiи съ тѣхъ поръ обычая пить изъ круговой чаши. Взаимно угощать себя значить ἀνδραστίαω; не въ этомъ-ли словѣ, можетъ быть, на-добно искать и этимологiи имени τὰ Ἀνδραστήρια?

Во всякомъ случаѣ, должно принять, основываясь на Фукидидѣ, что Аноэстирiонъ признавался древними зимнимъ мѣсяцемъ, и тогда нѣтъ никакихъ причинъ отвергать, что онъ замѣнилъ пре-жнее имя Линэона. А такъ какъ Линэонъ былъ первымъ въ году мѣсяцемъ, то слѣдовательно, до перенесенiя новолетiя на мѣсяць *Екатомвэонъ*, что произошло въ архонтство Апсевда, 432 до Р. Х., гражданскiй годъ Аэинянъ начинался мѣсяцемъ Аноэстирiономъ.

Этотъ результатъ, выведенный изъ разбора схолиевъ и дру-гихъ источниковъ и согласный со всѣми безъ исключенiя дре-вними свидѣтельствами, удивительно подтверждается государствен-ною аэинскою грамматою, надписью, найденною въ Оропѣ. Она гласитъ: «При архонтѣ . . . лок . . . въ десятую Пританiю . . . . . Филы, въ послѣднiй день мѣсяца Гамилона, въ тридцать . . . . . вiй день Пританiи» и прочая.

Десятая Пританiя была послѣднею; ею оканчивался аэинскiй годъ; если же послѣднiй день этой Пританiи совпадалъ съ послѣд-нимъ днемъ мѣсяца Гамилона, то этотъ мѣсяць былъ такъ же послѣднимъ, или, въ простыхъ годахъ, двѣнадцатымъ. Другими словами, на основанiи *Оропской надписи*, гражданскiй годъ Аэи-

¹⁾ Противъ Неэры, 76: καὶ διὰ ταῦτα ἐν τῷ ἀρχαιότατῳ ἱερῷ τοῦ Διονύσου καὶ ἀγυιάτῳ ἐν Λίμναις ἐστῆσαν.

²⁾ Разсказъ Фанодима у Аэинянъ X, 49.

мянъ начинался, предѣ Пелопоннесскою войною, мѣсяцемъ Анейстириономъ.

Глава IV.

Мы старались изложить, въ возможной простотѣ, и не имѣя въ виду доказать какой-либо прежде составленной теоріи, предметъ очень запутанный и представляющій столь большія трудности, что онъ уже болѣе двухъ столѣтій раздѣляетъ ученыхъ. Эти трудности происходятъ не отъ недостатка источниковъ, ибо они весьма изобильны; ни отъ противорѣчія древнихъ свидѣтельствъ, ибо они отличаются ясностію и совершеннымъ согласіемъ; ни наконецъ отъ испорченности текстовъ, такъ какъ, кромѣ двухъ мѣстъ съ очевидною опискою, всѣ тексты сохранились прекрасно; онѣ зависятъ, по нашему мнѣнію, отъ слѣдующихъ двухъ причинъ.

Главная, такъ сказать, основная причина лежать въ ошибкѣ, сдѣланной Скалигеромъ и повторяемой до сихъ поръ всѣми учеными. Мы говоримъ о мѣсяцѣ Гамиліонѣ, принятомъ за начало древняго аѳинскаго года Скалигеромъ. Эта его гипотеза есть уже сама по себѣ большая ошибка; но она осталась бы безъ особеннаго вліянія, если бы какъ самъ авторъ, такъ преимущественно позднѣйшіе писатели, не выводили изъ нея многихъ послѣдствій. Скалигеръ сдѣлалъ сверхъ того другую, еще болѣе, можетъ быть, важную ошибку. Онъ употребилъ, при разсмотрѣніи сего предмета, приемъ, который противорѣчитъ правиламъ исторической критики и произошелъ безъ сомнѣнія только отъ послѣдности.

Мѣсяцъ Линэонъ былъ и началомъ древняго аѳинскаго года, и эпохою совершенія Линэйскаго праздника. До перенесенія новолѣтія на Екатомвэонъ, эти два предмета были неразлучны; они составляли собственно одинъ, ибо Линэй необходимо назначить тамъ, гдѣ отыскивался старинный Новый Годъ Аѳинянъ. Эти два предмета, повторимъ, не раздѣлимы; Скалигеръ однако раздѣлил ихъ и былъ причиною хаоса, господствующаго до сихъ поръ въ сей части аѳинской исторіи и древностей. Онъ принялъ Новый Годъ въ Гамиліонѣ; Линэй же, слѣдовательно и мѣсяцъ Линэонъ,

помѣстятъ въ Посидеонѣ. Нельзя не удивляться столь явному противорѣчію со стороны такого глубокаго и гениальнаго ученаго, какъ Скалигеръ; однако еще удивительнѣе, что ложному приему его подражали прочіе ученые, не только его послѣдователи, но и самыя жаркіе противники. Всѣ они, кромѣ г. Бѣка, отдѣляютъ Новый Годъ отъ Линэевъ; всѣ принимаютъ его въ Гамиліонѣ, и только разногласятъ между собою относительно мѣсяца, которому Линэонъ соотвѣтствовалъ: одни защищаютъ Посидеонъ, другіе Анеестирионъ. Ипотезою Скалигера о Новомъ Годѣ въ Гамиліонѣ увлекся также и г. Бѣкъ, но поступилъ логически. Онъ первый ясно увидѣлъ, что вопросъ о Новомъ Годѣ неразрывно связанъ съ вопросомъ о Линэяхъ, а потому и обсуждаетъ ихъ вмѣстѣ; но, находясь подъ вліяніемъ общепринятаго мнѣнія Скалигера, онъ не могъ освободиться отъ Гамиліона и помѣстятъ въ немъ праздникъ Линэйскій. Почтенный авторъ украсилъ свое поучительное разсужденіе «о различіи Линэевъ, Анеестириевъ и Сельскихъ Діонисіевъ» тѣми дарами, которые составляютъ его отличие: знаніемъ, ученостію, остроуміемъ, но уклонился въ этомъ случаѣ отъ законовъ критики, требующей, чтобы розысканія основывались не на предположеніи, а на историческомъ, несомнѣнномъ фактѣ.

Въ подтвержденіе своей мысли, что Гамиліонъ дѣйствительно соотвѣтствовалъ Линэону, г. Бѣкъ приводитъ слѣдующія доказательства. Линэонъ, говоритъ онъ, есть, по словамъ Большаго Етимологика, начало мѣсяцевъ, а такъ какъ аѣнскій Новый Годъ находился въ Гамиліонѣ, то слѣдовательно Линэонъ былъ Гамиліономъ. Здѣсь достовѣрное историческое свидѣтельство поставлено на ряду съ предположеніемъ, не имѣющимъ никакого основанія. Оно по этому не только ничего не доказываетъ, но даже теряетъ свою силу. Г. Бѣкъ приступаетъ далѣе къ сравненію мѣсяцевъ мало-азійскихъ съ мѣсяцами аттическими и выводитъ отсюда слѣдствіе, что Линэонъ, сохранявшій постоянно свое древнее названіе у Іонянъ, совпадалъ такъ же съ Гамиліономъ. Но свѣдѣнія объ іонійскомъ календарѣ столь еще скудны и отрыви-

сты, что изъ нихъ нельзя вывести ничего опредѣлительнаго; вѣрнѣе говоря, онѣ могутъ служить для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Это такъ справедливо, что Корсини прибѣгаетъ къ подобному же сравненію для доказательства своего мнѣнія о тождествѣ Линэона съ Аноэстиріономъ. Наконецъ г. Бёкъ ссылается на разобранныя уже нами слова Прокла, и видитъ въ нихъ прямое и положительное свидѣтельство въ пользу Гамиліона. Къ нимъ приводитъ онъ различные схоліи, объясняетъ ихъ съ своей точки зрѣнія, принимаетъ одни, отвергаетъ другіе и признаетъ вѣрными только тѣ, въ которыхъ онъ усматриваетъ согласіе съ своимъ взглядомъ. Но упоминовеніе мѣсяца Гамиліона въ текстѣ Прокла есть очевидная ошибка переписчика, а слѣдовательно и весь выведенный отсюда результатъ оказывается построеннымъ на зыбкомъ основаніи. Истинная критика состоитъ не въ произвольномъ отрицаніи древнихъ показаній, но въ заботливости отыскать возможно точный смыслъ ихъ.

Вторая причина затрудненій, встрѣтившихъ новѣйшихъ ученыхъ и произведшихъ весьма сильныя между ними разногласія и пренія, лежитъ въ самой точкѣ зрѣнія, съ которой они смотрятъ на Линэи. Они не признаютъ никакихъ измѣненій въ ихъ празднованіи и не дѣлятъ ихъ на періоды. Если бы они обратили вниманіе на это обстоятельство, то значительная часть недоразумѣній прекратилась бы мгновенно.

Наконецъ они полагали, что Линэи не были отдѣльнымъ и самостоятельнымъ празднествомъ Аѳинянь, а только вторымъ именемъ другаго какого-либо праздника, и смѣшивали ихъ потому, одни съ Сельскими, другіе съ Древнѣйшими Діонисіями. Но г. Бёкъ устранилъ это затрудненіе, доказавъ независимость Линэевъ отъ прочихъ аѳинскихъ праздниковъ.

Заключимъ свои розысканія краткимъ изложеніемъ общаго результата.

1) Древній аѳинскій годъ, до преобразования календаря Метономъ, начинался зимою, мѣсяцемъ Линэономъ, который въ послѣдствіи получилъ названіе Аноэстиріона.

2) Линэйскія празднества были самостоятельнымъ праздникомъ, отдѣльнымъ какъ отъ Сельскихъ Діонисіевъ, такъ и отъ Анеестириевъ. Ихъ исторія раздѣляется на два періода. Въ первомъ, продолжавшемся до Метона, т. е. до перенесенія новолѣтія на Екатомвзонъ, Линэи были праздникомъ аѣинскаго Новаго года и полагались, естественно, въ день Новаго года, т. е. въ первый день Линэона, или Анеестириона. Во второмъ періодѣ онѣ удержали только характеръ народнаго увеселенія, соединеннаго съ сценическими Агонами, и стали праздникомъ переходнымъ.

и 3) Мнѣніе Скалигера, что аѣинскій годъ начинался нѣкогда мѣсяцемъ Гамиліономъ, есть гипотеза, противорѣчащая всѣмъ древнимъ свидѣтельствамъ и уничтожаемая Оропскою надписью.

